

РОССИЙСКАЯ АБИТУРА НАЧАЛА XX в.

Каждое лето по завершении последнего учебного года выпускников средней школы Российской империи конца XIX — начала XX в., а точнее тех из них, кто намеревался продолжить образование в школе высшей, охватывала, как и сегодня, абитуриентская лихорадка. Потоки абитуриентов — выпускников классических гимназий, реальных, технических, сельскохозяйственных, коммерческих и даже военных училищ, кадетских корпусов, духовных семинарий со всех концов необъятной страны устремлялись в города — центры высшего образования. Самые полноводные потоки изливались в «старую» и «новую» столицы, где дислоцировалось 35 (54%) государственных высших учебных заведений (65 — в 1917 г.): в Петербурге — 25, Москве — 10, притом самых престижных и крупных. Следом за ними шли Харьков (4), Киев и Казань (по 3). 21 учебное заведение распределялось по одному–два между 15 городами Европейской России и двумя городами азиатской ее части (Томск — 3, Владивосток — 1). В этих же городах нашли прибежище и 59 (по состоянию на 1917 г.) неправительственных высших учебных заведений, предназначенных в первую очередь для обучения женщин, которым государственная высшая школа, в целом мужская, предоставляла только два института — Женский педагогический и Женский медицинский в Петербурге (принимались женщины «вольнслушательницами» и в Высшее художественной училище живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств). Правда, в круг негосударственных школ входили и учебные заведения для лиц обоего пола. При этом выпускников мужских средних учебных заведений привлекали в первую очередь государственные. Юноши обращались к услугам общественных и частных высших учебных заведений либо за неимением в государственной высшей школе интересующей их специальности, например музыкальной и драматической, либо из-за отсутствия иной возможности получить высшее образование.

Соискателей высшего образования государственная школа притягивала к себе и чиновничьими перспективами. Диплом государственного высшего учебного заведения давал право на стартовый чин от XIV до X классов при поступлении на коронную службу, а для молодых людей, принадлежавших к «мещанскому сословию и состоянию сельских обывателей», еще и повышение их сословного статуса до «личного почетного гражданства» с перспективой выбиться в дворяне при удачливой чиновничьей карьере.

Следует заметить, что только 51 из 65 государственных высших учебных заведений было доступно питомцам мужских средних учебных заведений. Вне их досягаемости находились привилегированные «закрытые» дворянские школы — Александровский (бывш. Царскосельский) лицей, Училище правоведения в Петербурге и всесословный, но чрезвычайно дорогостоящий Лицей цесаревича Николая (катковский) в Москве. Курс обучения в них включал обязательную среднешкольную ступень. Не принимались абитуриенты и в высшие военные школы — академии Генерального штаба, Артиллерийскую, инженерную, интендантскую, морскую, Морское училище (бывш. Морской кадетский корпус). Для поступления в Московский педагогический институт им. П. Г. Шеллупутина требовался любой диплом о высшем образовании, а в Учебное отделение восточных языков Восточного департамента МИД — непременно высшее востоковедное.

Наиболее популярными среди соискателей высшего образования были университеты в Москве, Петербурге, Киеве, Казани, Харькове, Юрьеве, Московское техническое училище, технологические институты в Петербурге, Харькове, Томске, политехникумы в Петербурге, Киеве, Варшаве, Риге, петербургские Горный и Путей сообщения, Московский сельскохозяйственный институт.

Среди животрепещущих вопросов, терзавших тогда и мучающих сегодня души юных неопитов, устремленных к счастливому будущему, «вечным» был один: «Куда пойти учиться?». В сущности главный на него ответ предопределяла сформированная в 70–80-х гг. XIX столетия трехуровневая имперская система среднего и высшего образования.

Ее «конструкторы» — министр народного просвещения Д. А. Толстой и публицист, редактор проправительственных «Московских ведомостей» М. Н. Катков были одержимы стремлением создать эффективный механизм сословно-охранительного регулирования состава будущих чиновников ради укрепления грозившего пошатнуться господства «первенствующего сословия» в государственных службах империи и еще более эффективного ограждения коридоров власти от выходцев из непривилегированных сословий. Сердцевинная идея воздвигнутой ими образовательной системы заключалась в социальном, по сословному признаку, расслоении средней и высшей школы. И все ради того, чтобы превратить в пустую декларацию провозглашенный самодержавным государством в эпоху либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. буржуазный принцип всесословности всей сферы народного образования, включая «классическое» среднее и университетское — базовое для чиновников-исполнителей среднего звена аппарата имперского управления.

Вот почему выпускникам классических гимназий и равнозначных им по учебным программам учебных заведений предоставлялись особые преференции в выборе типа высшего образования. «Классики» обладали правом поступления во все гражданские высшие учебные заведения, в первую очередь в университеты, на любой их факультет, и в школы университетского типа (юридические, востоковедные, педагогические). Это был верхний уровень толстовско-катковской народно-образовательной системы. И абсолютное большинство обладателей гимназических аттестатов зрелости (стабильно 70–80%)¹ следовало этой профессиональной традиции. Классические гимназии были «передней» университетов. Поэтому-то их администрации предписывалось при ежегодном наборе студентов, а он был конкурсным, отдавать предпочтение отпрыскам дворянско-чиновничьих семей и только с большим разбором детям из непривилегированных сословий, но непременно состоятельных родителей. В таком сословном составе будущих университетов адептам самодержавия виделась порука политической благонамеренности главной его опоры — чиновничьего корпуса.

Не возбранялось «классикам» вместо мягкого вхождения в университеты поступать в инженерные и сельскохозяйственные институты, хотя там их ждал изнурительный экзаменационный конкурс, успешность прохождения через который была более чем проблематичной. Неуклонный их рост в 1913/14 учебном году — 27% абитуриентов в пяти ведущих народнохозяйственных высших учебных заведениях² был знаменем времени: капитализм ломал сословно-профессиональные стереотипы, формируемые у гимназистов особым строем учебно-воспитательного процесса, стержнем которого была латинская и древнегреческая филология.

Совершенно иным был правовой статус аттестата выпускников реальных училищ, предназначенных изначально для юных выходцев из непривилегированных сословий. Их ежегодный выпуск в 1905–1913 гг. колебался между 3 и 5 тыс.³ Они имели право становиться студентами только народнохозяйственных институтов. Всех без исключения. Дорога в университеты им была законодательно заказана. Тем из них, кому мечталось стать универсантами, необходимо было запастись свидетельством о сдаче экстерном экзаменов по всему курсу классической гимназии. Желающих подвергнуться такому испытанию оказывалось немного: в 1905–1913 гг. — от 5 до 18%.⁴ Особенно отпугивающими были экзамены по латыни, а для дерзавших поступать на историко-филологический факультет — еще и по древнегреческому. Внедрение «реалистов», в большинстве своем состоявших из представителей сословного «демоса», в университеты, а по окончании оных, возможно, и в сферу имперского управления, в глазах хранителей самодержавия было чревато подрывом монополии правящей дворянско-чиновничьей элиты, а также ростом оппозиционных политических настроений в государственном аппарате. На авансцене общественной жизни они были желательны и менее опасны политически в качестве инженеров, агрономов, торгово-промышленных деятелей. От 56 до 72% питомцев реальных училищ ежегодно включались в жестокую конкурсную борьбу за студенческие вакансии в 16 инженерных и 10 институтах аграрного профиля.⁵

Одинаковыми с «реалистами» абитуриентскими правами обладали выпускники коммерческих, средних военных училищ и кадетских корпусов. А вот владельцы свидетельств об окончании механико- и химико-технических, горных, сельскохозяйственных училищ могли поступать только в институты «соответственной специальности». Но эта группа соискателей студенческих вакансий была незначительна.

И наконец, третий, корпоративный, уровень толстовско-катковской системы народного образования: православные духовные семинарии — духовные академии (Петербургская, Московская, Казанская, Киевская). Далеко не каждый семинарист мог стать студентом-«академиком» — только 3–4 кандидата от семинарии из окончивших с отличием (по 1-му разряду) дополнительные «богословские» классы (V и VI), «назначенные» семинарским правлением по согласованию с академией на казенный счет направлялись к месту конкурсных экзаменов. Став студентами, они поступали на полное государственное обеспечение. Таковых было немного: в 1914 г., например, всего 218 человек из 2,5 тыс. выпускников семинарий.

Семинаристы, не попавшие в число кандидатов, могли самостоятельно, на свой счет поступать в академии, как например будущий патриарх Всея Руси Сергей (И. Н. Старгородский). Эта категория абитуриентов составляла ничтожное меньшинство. Студентами духовных академий могли быть и выпускники светских средних, высших, военных учебных заведений.

Со второй половины 80-х гг. XIX в. семинаристы каждый раз по особому правительственному распоряжению стали допускаться в некоторые университеты: в германизированный Дерптский и полонизированный Варшавский с целью их русификации; в Петербургский, на восточный факультет, и Томский — с целью заполнения пустующих студенческих вакансий. Семинаристы стали учиться и в таких непопулярных среди гимназистов высших учебных заведениях, как Варшавский, Юрьевский, Казанский, Харьковский ветеринарные, Петербургский и Нежинский историко-филологические

институты, Демидовский юридический лицей. С 1903 г. их стали допускать в инженерные институты. Ранее с их помощью был русифицирован Рижский политехникум.

Итак, ежегодное распределение выпускников по высшим учебным заведениям выливалось в процесс социального регулирования студенческого контингента российской высшей школы. Толстовско-катковская доктрина осталась незыблемой до февраля 1917 г., хотя сословная ситуация во всероссийском студенческом контингенте динамично менялась и не в пользу дворянско-чиновничьего сословия. Ее следствием был переизбыток студенческих вакансий для гимназистов в университетах и их недостаток для «реалистов» в народнохозяйственной высшей школе.

И действительно, если столичные и киевский университеты были переполнены местными и приезжими студентами, то бичом провинциальных университетов был их хроническая незаполненность. В 1910 г. в Казанском университете на 1120 вакансий было подано всего 400 прошений.⁶ В 1912 г. в Томском университете популярный среди «классиков» юридический факультет был заполнен всего на 60%. Вовсе пустовали Петербургский и Нежинский историко-филологические институты.⁷

В совершенно иной, неблагоприятной, ситуации оказывались абитуриенты — выпускники реальных средних учебных заведений, не имевшие права на университетское образование. Вот они-то в полной мере познавали, что такое дефицит студенческих мест в предназначенных для них инженерных и агрономических школах. Он нарастал год от года, начиная с 80-х гг. XIX в. В 1897 г. заведующий отделом промышленных училищ Министерства народного просвещения И. А. Анопов констатировал факт постоянной нехватки мест в специальных институтах даже для одних только «реалистов».⁸ А ведь на них вместе с новыми выпускниками реальной средней школы ежегодно претендовали их старшие собратья, не сумевшие стать студентами в прошлые годы, но не оставившие надежды осуществить свою мечту. В круг последних по преимуществу входили питомцы реальных, коммерческих, сельскохозяйственных, промышленных училищ, классических гимназий, поступавшие в народнохозяйственные институты. Своей численностью и опытом вступительного конкурсного соперничества, часто неоднократного, они составляли серьезную конкуренцию новичкам.

Такой абитуриентский напор на инженерно-промышленные и аграрные институты не оставлял для них ничего иного, кроме усиления экзаменационно-конкурсных требований к поступающим, в результате которых абсолютное большинство конкурсантов не получали проходных баллов. Так, в 1897 г. они составили 72%.⁹

Следует иметь в виду, что численность прошений не соответствовала числу подававших их лиц. Пользуясь разновременностью конкурсных испытаний в различных учебных заведениях, большинство абитуриентов в расчете на удачу подавали прошения о приеме сразу в несколько из них. Например, в том же 1897 г. в петербургские специальные институты было подано 3612 прошений от 1884 человек, в том числе (по количеству прошений): в 1-й институт 785 человек, или 41.6% реальных абитуриентов; во 2-й — 600 (32%) человек; в 3-й — 382 (20%); в 4-й — 103 (5.5%); в 5-й — 13 (0.7%); в 6-й — 1 (0.05%) человек.

В конечном счете экзаменовалось 1782 подателя прошений. Удача сопутствовала 731 (39%) из них.¹⁰ «Наплыв поступающих повсюду был огромный, превышая число вакансий в десятки раз», — вспоминал академик С. Г. Струмилин о своем абитуриентском опыте того времени. Сам мемуарист пытался поступить сразу в три петербургских

института — Горный, Технологический и Электротехнический. И только в последнем сумел преодолеть конкурсный барьер.

Не изменилась ситуация и в начале XX в., хотя высшая специальная школа приросла новыми крупными учебными заведениями. В 1910 г. во все специальные институты Петербурга, исключая местный политехникум, было подано 4600 прошений о приеме от 2300 человек. Фактически же на 1140 студенческих вакансий реально претендовали 1836 человек, сдававших вступительные экзамены. 700 человек оказались аутсайдерами.¹¹ Тогда же в Петербургском политехническом институте на 1292 вакансии был 4001 претендент.¹² Этот политехникум и в дальнейшем оставался бесспорным лидером по популярности среди абитуриентов. В 1915/16 учебном году его студентами пожелали стать 6130 человек, из которых было принято 1362, или 22%.¹³ Еще более разительное несоответствие между спросом на студенческие места и предложением их сложилось, например, в провинциальном Екатеринбургском горном институте. Там в 1915/16 учебном году на 96 вакансий претендовали 2466 абитуриентов.¹⁴

С течением времени круг институтов, куда можно было поступать одновременно, по нотариально заверенным копиям аттестатов, был административно сужен. Это снизило номинальный конкурс, но не уменьшило численность реальных абитуриентов, ежегодно все более обгонявшую количество предлагаемых им студенческих вакансий. Несоответствие спроса и предложений превращало процедуру вдумчивого отбора наиболее достойных (каковой ей должно было быть) в форменное «избиение младенцев» на «состязательных» экзаменах.

Наибольшей жестокостью своих конкурсных ристалищ отличались петербургские институты Путей сообщения, где особая опасность для абитуриента исходила от экзамена по тригонометрии, и Горный, где решение весьма трудных математических задач сочеталось с повышенными требованиями к знанию теории.¹⁵ Следом за ними шли Петербургский институт гражданских инженеров, Московское техническое училище, Морское инженерное училище в Кронштадте.¹⁶

Но и в прочих специальных институтах экзамены были нелегкими. Их успешность зависела не только от подготовки абитуриента, но и от того, насколько придерживался экзаменатор предписания Министерства просвещения спрашивать только в пределах той программы предмета, по которой учился экзаменуемый. Академик М. А. Павлов вспоминал о своем поступлении в Петербургский технологический институт: «Применные экзамены мне здесь понравились... Вызывая по алфавиту к доске, профессора осведомлялись: "Где вы кончили курс? По какому учебнику учились?" и спрашивали, придерживаясь именно этого учебника. Это было своего рода джентльменством, потому что в других институтах попадались, как нам рассказывали, такие экзаменаторы, которые, узнав, что экзаменуемый учился по Малинину-Буринину, заявляли: "А я требую по Давыдову"».

И это не было досужим вымыслом. Тот же М. А. Павлов, сдававший одновременно вступительные экзамены в Горный институт, в полной мере на себе испытал экзаменаторский произвол профессора физики Краевича, который откровенно проваливал всех подряд. Его манера экзаменовать столь возмутила абитуриентов, и выдержавших, и провалившихся, что они пожаловались директору института князю Ливену. Тот предложил Краевичу повторить экзамен.¹⁷ Абитуриент Московского технического училища, сдававший в 1899 г. математику профессору Шапошникову, мог и не ведать, что тот

знания программы требует только по своим учебникам и «режет» экзаменующихся годоволломными задачами. Такую информацию имел юный Н. М. Щапов от своего репетитора — студента Училища.¹⁸

«Камнем преткновения» абитуриентов составитель популярного среди них справочника для поступающих в высшую школу Д. Марголин назвал русский язык и арифметику, предупредив будущих конкурсантов, что именно по этим предметам экзаменующиеся получают больше всего двоек. Он рекомендовал им обратить побольше внимания на правописание, поскольку во всех институтах к русскому языку «предъявляют высокие требования».¹⁹ И действительно, сочинение было тем подводным рифом, о который разбивались надежды доброй части абитуриентов.

Иному абитуриенту немудрено было споткнуться о сочинение на тему «Великих нет, но подвиги их живы», с которым, правда, успешно справился Василий Шулейкин. А вот С. Г. Струмилин срезался именно на сочинении (как он утверждал, из-за неблагонадежного направления мыслей) в петербургских Технологическом и Горном институтах. И только в Электротехническом, избрав «наиболее нейтральную тему», получил нужную оценку. В своих мемуарах он писал по этому поводу, что сочинение давало возможности «отсечь и отсеять избыточных и “нежелательных” по национальному и любому иному признаку конкурсантов путем простого снижения им отметки...».²⁰

Для многих абитуриентов поступление в высшие специальные учебные заведения, особенно в престижные, оборачивалось чередой бесконечных неудач, как например для выпускника Зарайского реального училища В. Проселкова, сына преподавателя (статского советника). В 1899 г. он в третий раз не был принят в Московское техническое училище. Как правило, это были добротнo подготовленные молодые люди, желавшие учиться в строго определенной инженерной школе, которых фатально преследовал рок конкурсного невезения (для достижения желанной цели обычно не хватало 1–2 баллов).

Устрашающая молва о предстоящих вступительных экзаменах заставляла будущих абитуриентов энергично к ним готовиться. Все начиналось ознакомлением со справочниками для поступающих в высшие учебные заведения, ежегодно издаваемыми в больших количествах.²¹ Они содержали обстоятельную и самую свежую информацию об условиях приема во всевозможные высшие учебные заведения, экзаменационных программах, а также множество прочих полезных сведений о документах, которыми должен запастись поступающий, о профессорско-преподавательском составе, факультетах, студенческих организациях, о материально-бытовых условиях, в которых жили студенты.

Помимо информационной, абитуриентская инфраструктура имела и репетиторскую службу. К ее услугам прибегали наиболее состоятельные из абитуриентов. Например, поступавший в 1899 г. в Московское техническое училище Н. М. Щапов вспоминал: «Как и в других школах, существуют целые предприятия по подготовке желающих к поступлению. Там опытные специалисты изучили уже все подходы экзаменаторов, их вопросы, их задачи и “дрессируют” кандидатов за крупные деньги с гарантией на успех». Одного из таких репетиторов из студентов наняли и мемуаристу, притом по личной рекомендации директора училища И. В. Аристова.²²

В 1916 г. открылись «Новые петроградские общедоступные подготовительные курсы ассистентов и помощников инженера П. К. Шмудевича под его личным наблюдением»

(продолжали действовать и «старые курсы» на Сиверской). За астрономическую для среднестатистического абитуриента сумму в 325–550 р. (в зависимости и количества институтов, в которые намеревался поступать одновременно курсант) они за шесть еженедельных часов в течение двух с половиной месяцев готовили с известными гарантиями абитуриентов к конкурсным экзаменам.²³ Абсолютное большинство абитуриентов, естественно, не могли воспользоваться услугами репетиторов и полагались только на свои силы. Они-то и претерпевали сокрушительный провал на конкурсных экзаменах.

В интересах пополнения студенческого контингента специальных институтов целеустремленными молодыми людьми министр народного просвещения П. С. Ванновский в 1901 г. издал циркулярное распоряжение, которым администрации высших специальных учебных заведений предписывалось: в спорных случаях, когда предстояло сделать выбор между абитуриентами, набравшими одинаковое количество баллов, отдавать предпочтение тем из них, кто поступал в институт второй раз подряд. Исправного исполнения это распоряжение, однако, не получило. В известной мере интересы этой категории абитуриентов были учтены в «высочайшем повелении» от 30 сентября 1897 г. «О замещении 10 вакансий в высших специальных учебных заведениях сыновьями лиц, известных своей деятельностью на поприще отечественной промышленности, а также молодыми людьми, приехавшими из отдаленных мест и окраин, и лицами, неоднократно уже державшими испытания, но не прошедшими по конкурсу».²⁴

Все 10 вакансий предоставлялись Московскому техническому училищу, испытывавшему наибольшие среди народнохозяйственных институтов, подведомственных Министерству народного просвещения, проблемы с переизбытком абитуриентов. Фактически они (вакансии) сразу же стали объектом жесткой конкуренции. Естественно, победителями таких ставших ежегодными «скрытых» конкурсов становились те абитуриенты, о которых имелись, по бюрократической терминологии, «особые ходатайства».²⁵ В 1900 г. среди ходатаев были: известная московская миллионерша и филантропка М. Ф. Морозова; директор Петербургского технологического института кн. А. Т. Гагарин; начальник инженеров Московского военного округа А. П. Воронцов-Вельяминов; профессора училища — Я. Я. Никитский и Московского университета А. С. Алексеев, пристав 2-го участка Басманной части, член Общества вспомоществования нуждающимся студентам Московского технического училища М. В. Шварцман. Среди кандидатов на льготный сверхнормативный прием 1903 г. были дети промышленников В. Крашенинников, А. Кузнецов, А. Панфилов. За К. Второва, сына портнихи, ходатайствовали «представители мануфактурной промышленности Московского района».²⁶

Антипедагогическая сущность системы приема в народнохозяйственные институты, изнуравшей физически и интеллектуально абитуриентов, не оставалась незамеченной в заинтересованных государственных инстанциях. В 1901 г. товарищ министра народного просвещения Н. А. Зверев направил попечителям учебных округов «циркулярное письмо», в котором констатировал, что «главнейшими, крайне нежелательными и прямо вредными сторонами» этого порядка в ведомстве просвещения считали: «Во-первых, переутомление молодых людей, вынужденных вслед за выпускными экзаменами из гимназий и реальных училищ без необходимого отдыха усиленно готовиться к конкурсным испытаниям, часто в несколько высших специальных учебных заведений, что вызывает в свою очередь дальнейшую, по существу непроизводительную напряженность нервной деятельности; во-вторых, при постоянно возрастающем числе

желающих поступить в высшие специальные учебные заведения требования на состязательных испытаниях необходимым образом повышаются, если не по объему научных предметов, то по детальности частных, относящихся к ним вопросов, и происходящая вследствие этого неоднородность требований служит отчасти причиной случайности состава лиц, удовлетворяющих условиям конкурса; в-третьих, выдержавшие испытания часто оказываются, вопреки ожиданиям, не более способными и в значительном числе случаев настолько утомленными, что ведут свои занятия в высших учебных заведениях вяло и не вполне успешно».

Из цитируемого письма явствует также и то, что вышеуказанные пороки системы отбора свежих студенческих пополнений ведомство просвещения тщетно пыталось излечить паллиативными средствами. Еще в 1884 г. в министерстве обсуждалась идея замены вступительных испытаний специальными сочинениями абитуриентов, которые оценивались бы особой комиссией. На основании полученных оценок конкурсанты, согласно их желаниям, могли бы быть распределены по специальным институтам. Привлекательный на первый взгляд проект сразу же обнаружил свою техническую труднореализуемость даже в условиях 1880-х гг., когда число абитуриентов в каждом народнохозяйственном институте не превышало 600–700 человек, и абсолютную нереальность в условиях конца XIX—начала XX в., когда средняя численность конкурсантов в каждом высшем учебном заведении превышала тысячу человек, а в отдельных случаях и в несколько раз больше.²⁷

В недрах ведомства народного просвещения рождались и иные проекты усовершенствования приемной системы в народнохозяйственные институты: учреждения в Петербурге профессорской испытательной комиссии, единой для шести наиболее привлекательных для абитуриентов столичных институтов (1896); перехода от состязательных экзаменов к оправдавшему себя в Лесном институте и Военно-медицинской академии конкурсу аттестатов (1898). И тот, и другой проекты канули в бюрократическую пучину. Первый из-за ведомственных противоречий. Второй был торпедирован подозрениями, что учителя средней школы начнут завышать оценки своим ученикам.

Все охарактеризованные выше проекты, даже будучи внедренными, не привели бы к расширению приема абитуриентов в высшую специальную школу без увеличения числа учебных заведений и наращивания научно-лабораторной базы уже действовавших. «Так будет всегда, — писал обозреватель журнала «Техническое образование», — пока бюджет Министерства народного просвещения будет сохранять свой нынешний уровень, пока удовлетворение всеми осознанной, никем не оспариваемой нужды нашей в высших технических школах будет оставаться на точке замерзания всех соответственных проектов».²⁸ Написанные на исходе XIX столетия, эти слова оказались пророческими. Не изжитый и в начале XX в. критический дефицит научно-педагогических мощностей высшей народнохозяйственной школы побудил министра народного просвещения Н. Н. Игнатьева в 1916 г. доложить Совету министров: «Комплект в специальных высших учебных заведениях доведен до максимума и не может более увеличиваться». В целом, подытожил министр, 22 тыс. выпускников текущего года было предложено 20 тыс. учебных мест.²⁹

Каков же был состав студентов специальной высшей школы по типам полученного ими среднего образования? Сколько учебного пространства в ней отдавалось тем, для кого, собственно, она предназначалась — «реалистам», т. е. выпускникам реальных училищ и народнохозяйственных средних учебных заведений?

По нашим подсчетам, примерно 50% абитуриентов-«реалистов» не выдерживали конкурсных испытаний. Ежегодно неудачники присоединялись к новым конкурсантам. Главными конкурентами реалистов были выпускники классических гимназий. Моральный дух последних «поддерживался сознанием возможности в случае неудачи поступить в университет на любой факультет», который нередко был для них лишь временным пристанищем. В 1913/14 учебном году до 27.8% студентов горных и политехнических институтов торгово-промышленного ведомства приходилось на выпускников классических гимназий.³⁰ Ниже процентная доля последних была в земледельческих институтах (по данным на 1914 г.) — Московском сельскохозяйственном (13.6%), Новоалександрийском сельского хозяйства и лесоводства (14.5%), Петербургском лесном (20%).³¹

Возможности поступления в высшую специальную школу для реалистов уменьшились также из-за внеконкурсного приема туда и обладателей диплома о высшем образовании. В 1913/14 учебном году в горных институтах и политехникумах торгово-промышленного ведомства таковые составляли 5.1% их студенческого контингента (соответственно 2.9% и 2.2%).³²

Неизменной популярностью у дипломированных специалистов пользовался Московский сельскохозяйственный институт. В 1914 г. здесь учились выпускники университетов (158 человек), земледельческих и ветеринарных институтов (46 человек), инженерных школ (5 человек), Лазаревского института восточных языков (1 человек), иностранных высших учебных заведений, в совокупности составляя 19.8% его студенческого контингента.

В целом примерно 30% студенческих вакансий высшей специальной школы в 1913 г. оказывались вне досягаемости «реалистов», для которых создавался как бы дополнительный скрытый конкурс. Таким образом, налицо была откровенная дискриминация учащихся реальных училищ. Сужением и без того нешироких перспектив получения высшего образования предполагалось загнать эту «второсортную» молодежь в тупик узкоприкладных специализаций, предлагаемых в выпускном VII классе тем, кто отказывался от дальнейшей учебы.

«Реалисты», не попавшие в государственные специальные институты, поглощались частью общественными и частными высшими учебными заведениями. Но здесь их выбор был еще более ограничен, поскольку неправительственная высшая школа была, во-первых, по преимуществу женской, а во-вторых, кроме коммерческой и сельскохозяйственной, не предлагала никаких иных неуниверситетских специализаций для мужчин. Вот почему большинство обратившихся к ее услугам останавливало свой выбор на коммерческих институтах, в основном тех, что пользовались правами государственных (Московский, Киевский, Харьковский). Наконец, часть не принятых в специальные институты поступала в зарубежные инженерные школы, в которых обучалось около 9 тыс. студентов из России.³³

* * *

Неравные возможности выпускников средней школы в получении высшего образования как форма сословного регулирования состава студенчества находились в резком противоречии с потребностями социально-экономического развития капиталистической России. В 1896 г. Второй съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию вынес резолюцию-рекомендацию о необходимости допустить в

университеты выпускников реальных училищ.³⁴ На аналогичной точке зрения стояла и Комиссия по техническому образованию при Русском техническом обществе, которая, опираясь на анализ результатов вступительных экзаменов в 1897 и 1898 гг., пришла к заключению, что реальные училища дают своим питомцам более высокую, нежели классические гимназии, естественнонаучную подготовку, необходимую для учебы на физико-математическом и медицинском факультетах университетов.

Подобного рода резолюции объективно подрывали правительственную идею сословности образования. «Высшие учебные заведения должны быть доступны для всех, подготовленных к восприятию тех специальностей, для которых они назначаются, — писал Д. И. Менделеев. — Это значит, что лица, успевшие в прохождении курса средних учебных заведений, должны быть допускаемы в высшие учебные заведения всякого рода, без ограничения такими перегородками, как сословные или специализированные. Этим я хочу сказать, например, то, что из духовных семинарий, кадетских корпусов и реальных училищ необходимо допускать в высшие учебные заведения так же свободно, как в университеты допускаются свободно кончившие курс в гимназиях».³⁵

Такого рода воззрения находили приверженцев и среди дальновидных представителей царской бюрократии. В 1897 г. на заседании Комиссии по техническому и профессиональному образованию представитель Министерства финансов В. И. Ковалевский от имени министра С. Ю. Витте высказался за единую среднюю школу и упразднение «классицизма». Осуждал сословные привилегии и министр народного просвещения И. И. Толстой. Вскоре после отставки (апрель 1906 г.) он писал в своих мемуарах: «Неужели возможно утверждать, что высшие круги общества, аристократы и важные бюрократы, идеальнее и возвышеннее смотрят на образование и воспитание, чем остальная русская интеллигенция или даже менее развитые классы».³⁶

Эти воззрения, однако, не встречали сочувствия у Николая II. Еще в 1902 г., напутствуя нового министра народного просвещения Г. Э. Зенгера, он подчеркивал: «Только классические гимназии (с одним или двумя древними языками) дают право на поступление в университеты».³⁷ Позиция царя в конечном счете являлась непреодолимым препятствием к изменению порядка комплектования студенческого контингента. Лишь в период первой российской революции произошел кратковременный прорыв этой плотины. 14 декабря 1905 г. министр народного просвещения И. И. Толстой разрешил принимать в университеты семинаристов фактически наравне с гимназистами, а 18 марта 1906 г. — выпускников реальных и коммерческих училищ, сдавших дополнительные экзамены за курс гимназии. Однако попытка в 1908 г. вывести эти ведомственные нормативные акты на законодательный уровень не увенчалась успехом.

В 1913 г. в Государственном совете 78 голосами против 68 был провален законопроект «О представлении лицам, окончившим курс некоторых средних учебных заведений, права поступать в высшие учебные заведения». Главным оппонентом авторов законопроекта был министр народного просвещения Л. А. Кассо, объявивший его от имени правительства «неприемлемым». Речь министра была апологией «классицизма» и устоявшейся системы среднего и высшего образования.³⁸ Министру действующему вторил министр бывший — профессор А. Н. Шварц. Он настаивал на ограждении университетов от «отбросов», за допуск в них «только отборных молодых людей», окончивших классическую гимназию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX—начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 29.
- ² Там же. С. 34–35.
- ³ Там же. С. 54.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 56.
- ⁶ Студенческая жизнь. М., 1910. 29 авг. С. 13.
- ⁷ *Иванов А. Е.* Высшая школа в конце XIX—начале XX века. М., 1991. С. 260.
- ⁸ *Анопов И. А.* По вопросу о мерах к наиболее быстрому, с наилучшими затратами, распространению в нашем отечестве высшего специального образования: Докл. общему собранию членов Имп. Русского технического общества 1 марта 1897 г. СПб., 1897. С. 3.
- ⁹ Техническое образование. 1897. № 6. С. 85.
- ¹⁰ *Струмилин С. Г.* Из пережитого. 1897–1917 гг. // Избранные произведения, воспоминания. М., 1968. С. 28, 29.
- ¹¹ Техническое и коммерческое образование. 1910. № 7. С. 59.
- ¹² Там же. С. 60.
- ¹³ РГИА. Ф. 33. Оп. 156. Д. 561. Л. 38.
- ¹⁴ Там же. Л. 27.
- ¹⁵ *Марголин Д.* Справочник по высшему образованию для поступающих во все высшие учебные заведения. Киев, 1909. С. 403.
- ¹⁶ *Шулейкин В. В.* Дни прожитые. М., 1976. С. 44.
- ¹⁷ *Павлов М. А.* Воспоминания металлурга. М., 1943. С. 38, 41.
- ¹⁸ *Щапов Н. М.* Я верил в Россию...: Семейная история и воспоминания. М., 1998. С. 247.
- ¹⁹ *Марголин Д.* Справочник по высшему образованию для поступающих во все высшие учебные заведения. Киев, 1911. С. 403; Центральный государственный исторический архив Москвы (далее — ЦГИАМ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 5449. Л. 8.
- ²⁰ *Шулейкин В. В.* Дни прожитые. С. 44; *Струмилин С. Г.* Из пережитого. С. 29; ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4947. Л. 57.
- ²¹ *Воротинцев Н. И.* 1) Полный сборник правил приема и программ высших, средних и низших общеобразовательных учебных заведений России, мужских, женских, правительственных и частных на 1908–1909 учебный год. СПб., 1910; 2) Спутник конкурсанта и поступающих в высшие учебные заведения без конкурса. СПб., 1912; *Марголин Д.* Справочник по высшему образованию для поступающих во все высшие учебные заведения. Киев, 1909–1915; С.-Петербургский студенческий календарь. СПб., 1907–1916; Спутник конкурсанта: Подробный сборник сведений об учебных заведениях и курсах, подготовляющих к практической (профессиональной) деятельности. Пг., 1914; *Шмулевич П. К.* Справочная книга для поступающих в высшие учебные заведения. СПб., 1908–1917.
- ²² *Щапов Н. М.* Я верил в Россию... С. 317.
- ²³ *Шмулевич П. К.* Справочная книга для поступающих в высшие учебные заведения. СПб., 1916. С. 227–230.
- ²⁴ ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4997. Л. 113.
- ²⁵ Там же. Л. 114.
- ²⁶ Там же. Д. 5450. Л. 23, 23 об.
- ²⁷ Там же. Д. 3359. Л. 1, 1 об., 2.
- ²⁸ Техническое образование. 1901. № 3. С. 86–87.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1657. Л. 47.
- ³⁰ Статистические сведения о составе учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности на 1913/14 учебный год. СПб., 1916. С. XV.
- ³¹ Отчет о состоянии Московского сельскохозяйственного института за 1914 г. М., 1915. С. 95; Отчет о состоянии Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства за 1914 г. Пг., 1916. С. 13; РГИА. Ф. 994. Оп. 6. Д. 203. Л. 37.
- ³² Отчет о состоянии Московского сельскохозяйственного института за 1914 год. С. 95.
- ³³ *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX века. С. 352–353.
- ³⁴ Техническое образование. 1898. № 4. С. 72.
- ³⁵ *Менделеев Д. И.* Соч. М., 1952. Т. 23. С. 184.
- ³⁶ Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. М., 1997. С. 107.
- ³⁷ Заметки Николая II о народном образовании // Былос. 1917. № 2/3. С. 65.
- ³⁸ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 годы. Сессия восьмая. СПб., 1913. Стб. 1675–1679, 1681–1682.